

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ РОССИИ

Н.М. Тажиев
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: элитология, региональная элита, политическая элита, рекрутирование элит, титульная нация, этнические республики, региональные элитные кланы.

Key words: elitology, regional elite, political elite, recruitment of elite, titular nation, ethnical republic, region elite clans.

Политическая элита – один из самых влиятельных субъектов политического процесса. В странах с неразвитыми традициями демократии статус, авторитет и престиж элиты особенно важны, поскольку негосударственные субъекты политики (партии, массовые общественные движения, профсоюзы и пр.) играют подчиненную роль в системе власти. Значение элиты также возрастает во времена трансформаций политических систем. Присущие элитам интересы, ценностные и целевые установки являются важнейшими факторами принятия политических решений. Поэтому элиты играют ведущую роль в политическом процессе постсоветской России.

На региональном уровне политической системы деятельность элиты особенно значима. Такие устойчивые факторы российского политического пространства, как централизация и персонализация власти, культурная зависимость провинции от «столичной» политической жизни, слабость негосударственных субъектов политики, зависимость средств информации от власти делают региональную элиту ведущим «игроком» на политической сцене.

Основы теоретического анализа политических элит заложены в работах классиков элитологии – В. Парето, Г. Моска, Р. Михельса. Их труды носили во многом социально-философский и исторический характер.

В конце XX в. Россия также, благодаря работам своих ведущих политологов, стала родиной новой науки, получившей название «элитологии». Данная наука придерживается комплексного подхода для изучения многообразия проявления этого феномена. Элитология одновременно изучает такие понятия, как «массы», «лидерство», «общественное мнение», «элитное образование» и др. В настоящее время можно сказать, что в России создано несколько школ политической элитологии, среди которых следует назвать такие, как «московская школа» (Г.К. Ашин, О.В. Гаман-Голутвина, Е.В. Охотский и др.), «петербургская школа» (А.В. Дука, В.Я. Гельман и др.), «ростовская школа» (А.В. Понеделков, В.Г. Игнатов, А.М. Старостин).

В 1990-х гг. наблюдался рост работ как по прикладной политической элитологии, так и становление ее теоретической и методологической базы. Наука «элитология» все больше начинает занимать одно из ведущих мест в ряду отечественных социально-политических дисциплин. По прогнозам специалистов, она по темпам развития должна стать в XXI в. ведущей социокультурной дисциплиной в вопросах, связанных с изучением «элит» и «элитности» как общечеловеческого феномена [3, с. 4–5].

Философия, социология и политическая наука создали сотни определений элиты. В нашей статье мы рассмотрим только один из многих типов элит – политическую и один из пространственных уровней ее существования – региональную.

Основные трактовки из множества определений элит, разработанных исследователями в XIX–XXI вв., систематизировали И.Г. Тарусина, Г.К. Ашин, В.Г. Ледаев. Они перечисляют следующие определения элиты [16, с. 148–149; 2, с. 64; 11, с. 8–10]:

- наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть; организованное меньшинство, которое управляет неорганизованным большинством (Г. Моска);
- люди с исключительными интеллектуальными способностями и наивысшим чувством ответственности (Х. Ортега-и-Гассет);

- творческое меньшинство общества, противоположное нетворческому большинству (А. Тойнби);
- меньшинство, имеющее наибольшее влияние в обществе, и/или выполняющее в нем самые важные функции (С. Келлер);
- лица, получившие наивысший индекс влияния в своей области деятельности (В. Парето);
- лица, принимающие важнейшие государственные решения и контролирующие их выполнение посредством бюрократической группы (Л. Санистебан).

В самой сущности политической элиты выделяют два подхода – позиционный (альтиметрический) и ценностный (меритократический). По первому из них, элита – социальный слой, обладающий в данном конкретном обществе властью и наивысшим статусом (Р. Миллс, Дж. Хигли, Т. Дай и др.) [13; 9, с. 5–32; 16, с. 148–149]. По второму, элита – группа самых мудрых, дальновидных, достойных людей общества, способных к созидательному творчеству и руководству массами (В. Парето, Г. Моска, Х. Ортега-и-Гассет и др.).

Применительно к современной России (1990–2007 гг.) и ее регионам, находящимся в быстрых и неопределенных трансформациях, стоит принять за основу позиционный подход. Для задач политической регионалистики также более адекватен социологический, нежели философский либо исторический анализ элит.

В крупных и территориально раздробленных странах элита имеет обособленные уровни строения – общегосударственный и региональный. Региональная политическая элита – социальная группа, являющаяся субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений в сфере политики. Она обладает необходимыми для этого преобладающими ресурсами – экономическими, политическими, административными. Элиты создают нормы, по которым вынуждены жить все слои общества. Поскольку региональные элиты не могут обладать суверенной властью, они соподчинены элитам общегосударственным и согласуют с ними свой курс.

На наш взгляд, политическая элита региона представляет собой социальный слой, который достиг самого высокого политического статуса и оказывает определяющее влияние на процессы принятия политических решений в регионе. Элита обеспечивает согласование интересов субъектов политического процесса на уровне региона, между регионом и федеральными элитами, то есть как по горизонтали, так и по вертикали.

Региональная политическая элита неоднородна. В ней выделяются специализированные группы – идеологические, административные, военные, экономические, интеллектуальные и т.д. Элита также состоит из властвующей и контрэлиты (системной оппозиции).

Исследователи региональных политических элит обычно применяют 3 основных подхода анализа [8, с. 6–8].

- позиционный подход (Р. Милибанд, Р. Миллс, Р. Патнэм) выявляет и изучает формальные позиции индивидов в иерархии власти, их функции;
- репутационный подход (Ф. Хантер) выявляет степень влияния и авторитет властвующих лиц в общественном мнении;
- «решенческий» (десизионный, деятельностный) подход (Р. Даль) раскрывает реальные влияния на принятие решений на основе анализа политической динамики и итогов политических процессов, в том числе на уровне внутриэлитных взаимодействий.

Каждый из подходов характеризуется своеобразными методами и процедурами; каждый имеет свои преимущества и погрешности. Позиционный подход чаще всего реализуется в методе анализа документов официального происхождения – законов, подзаконных актов, биографических справок, сообщений о назначениях и отставках. Мы выявляем сначала сектора элит в обществе, затем определяем влиятельные организации каждого сектора, далее – высшие статусы и роли в каждой организации, состав лиц на «командных постах». При внешней простоте метод качественно работает только на материале регионов, где закрепились четкая иерархия статусов и сложились устойчивые институты и ресурсы власти (В.Я. Гельман). Но позиционный под-

ход говорит нам только об объеме ресурсов, а не о способах их мобилизации и использования, не о реальном влиянии лиц и слоев на принятие решений. Малоэффективен этот подход и в случаях крайне неустойчивых динамических элит.

Репутационный подход в основном означает проведение экспертного опроса или (реже) массового анкетного опроса, интервью. Мы лучше, чем при позиционных методиках, узнаем неформальное влияние элит на их внутренний состав и взаимодействия. Но всякий опрос общественного мнения субъективен, что снижает познавательную ценность выводов.

«Решенческий» (десизионный) подход предполагает доступ аналитика к процессу принятия решений внутри элиты либо доступ к текущему архиву политической структуры. Применяется наблюдение, эксперимент, анализ документов (чаще неофициальных). Очевидны трудности применения подобных методик, если только ученый не задался целью создать позитивный образ элиты.

Анализируя состав региональных политических элит, выделим основные субъекты, образующие в совокупности ее состав.

1. Глава исполнительной власти и его клиентела.
2. Представители региональной бюрократической элиты в органах исполнительной власти (администрации, правительстве и их структурных подразделениях).
3. Члены законодательных органов региона (спикер легислатуры, председатели и сотрудники комитетов, депутаты).
4. Представители региональных отделений федеральных структур (Министерства обороны, МВД, ФСБ, налоговых служб, прокуратуры и т.д.).
5. Крупные предприниматели в регионе, занимающие ключевые позиции во владении и распоряжении собственностью, контролирующие влиятельную часть ресурсов региона. Внутренние сегменты: руководители фирм регионального уровня, представители общероссийских и транснациональных корпораций; собственники, менеджеры и крупные акционеры.
6. Руководители неправительственных организаций, партий, средств массовой информации.
7. Организованная преступность. Ее участники, будучи антисистемным актором, весомо влияют на политические процессы в регионах и местных сообществах, а иногда и успешно институционализируют свое влияние (выборы во Владивостоке 2004 г., в Нижнем Новгороде 1998 г. и др.).

Производство и формирование региональных элит представляет собой непрерывный процесс. Он включает в себя рекрутирование, внутриэлитную консолидацию и мобильность.

Элиты можно разделить на 4 типа по влиянию на рекрутирование – сплоченную, мобильную, открытую плюралистическую, унитарную изолированную и ограниченно-мобильную плюралистическую. В регионах постсоветской России преобладает модель перехода от унитарной изолированной к сплоченной мобильной или открытой плюралистической элите. В последнее время в публицистических и научных работах получило распространение утверждение о том, что современная политическая элита российских республик – это, по большей части, лишь слегка подновленная прежняя номенклатура. Другие эксперты полагают, что подобная трактовка проблемы представляется несколько упрощенной, даже примитивной, так как алгоритм постперестроечной трансформации политических элит российских регионов, безусловно, обладает значительно более сложной структурой. Более того, «развитие номенклатуры... имеет логику и пределы... С распадом тоталитарной системы номенклатура превращается в иное социальное образование [1, с. 247].

Исследуя социальное положение, в котором протекает российский элитогенез и функционирование элит, следует обратить внимание на некоторые общесоциальные изменения. К ним относятся теневилизация, традиционализация и этнизация, которые привели к изменениям на «низовом» уровне. В итоге отношение «низов» и «верхов» разбалансировалось до уровня максимального доминирования последних [14, с. 180–187].

В настоящее время в политико-административной элите можно наблюдать двойкий процесс: с одной стороны, происходит перерождение «старых» сегментов политического класса (в частности, процесс превращения управленческих команд в группы мафиозного типа, где критика лидера – преступление, а лояльность ему – выше закона), с другой – расширение в сфере управления числа явно криминальных объединений, пришедших во власть из сферы теневой экономики и превратившихся в составную часть правящего класса [17, с. 75].

То же самое можно сказать об элитах в регионах, где также преобладает номенклатурный принцип. Он означает продвижение в административную элиту либо финансовопромышленные группы на основе формальных и (чаще) неформальных связей, негласных правил поведения. Способы рекрутирования элит почти целиком зависят от личных предпочтений руководителя, то есть основаны на патронклиентурных отношениях. Как считали Д.В. Бадковский и А.Ю. Шутов (одни из первых исследователей явления), причины прочности номенклатурности – не только в субъективном миропонимании правящих элит [4, с. 18]. Во многих регионах просто слаб «политический рынок» кандидатов в элиту, не развита конкурентная политика (свободные СМИ, Интернет, возможность достичь высокого статуса вне и вопреки государственной бюрократии). Причем, номенклатурный принцип может использоваться в противоположных целях: коммунистами и либералами, унитаристами и сепаратистами.

Региональные элитные кланы – это устойчивые политико-экономические группы. Они объединены общими интересами. Консолидированы вокруг руководителей исполнительной власти – губернаторов, президентов, мэров. В основе внутриэлитного единства отношения личной зависимости и преданности патрону. Именно личная преданность лидеру – важнейший неформальный механизм рекрутирования правящих групп. Вместе с тем политическая элита региона обычно разделена на множество соперничающих кланов, и это дробление тянется вниз, на местный уровень. Сегменты элиты иерархически соподчинены на основе обмена ресурсами влияния.

Противовесом номенклатурному принципу является конкурентное и гласное рекрутирование элит. Оно чаще всего проявляется в регионах с высоким уровнем урбанизации и развития культурнообразовательной сферы. Данный вид рекрутирования связан с влиянием западной деловой культуры.

Типология строения региональных политических элит может быть дана по различным признакам. По степени конкурентности А.Н. Медушевский выделяет открытую, закрытую и переходную элиты [12, с. 36–49]. Открытая элита характерна плюралистическими группировками, закрытая – имеет жесткую иерархию, единую структуру и соподчинение лидеру; над контрэлитами установлен жесткий контроль (Калмыкия, Башкортостан, Татарстан). Переходная элита сочетает черты противоположных типов (Саратовская, Кемеровская области, Хабаровский край).

По вертикальному строению региональные элиты делятся на:

- 1) высший слой (реально принимающие стратегические решения) – политическую элиту;
- 2) средний слой – «бюрократию» (руководителей структурных подразделений);
- 3) клиентелы (исполнителей со специализированным влиянием).

На каждом иерархическом уровне складывается соподчиненная «команда» со своим лидером и корпоративными интересами.

Собственно политическую элиту региона можно разделить по признаку институционализации влияния на административную элиту (должностных лиц органов государственного и муниципального управления) и «лидеров общественного мнения» (профессиональных политиков, не занимающих должностей в органах власти).

Административная элита господствует численно и по ресурсам влияния, составляя от 70 до 90 % всей политической элиты регионов (расчеты О.В. Гаман-Голутвиной) [7, с. 416]. К ней относятся, судя по экспертным опросам, прежде всего, главы исполнительной власти региона, заместители глав и руководители важнейших подразделений администраций, спикеры законодательных органов, руководители инспекций федеральных округов в регионах и территориальных отделений феде-

ральных органов власти. Значительно хуже представлены депутаты законодательных органов регионов и муниципальных собраний, а также руководители судебных органов.

Рекрутирование административной элиты проходит путем назначения на влиятельные должности либо посредством выборов. Но в реальности выборы часто закрепляют предварительный пакт элит (закулисный сговор) о кандидате-победителе.

Существенными недостатками в отборе кадров сами представители элиты назвали протекционизм (24 %), субъективизм в оценке (27 %) и некомпетентность самих кадровых служб (16 %). Эти данные еще раз убеждают в справедливости тезиса, высказанного экс-президентом Российской Федерации В.В. Путиным в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию в 2005 г., о закрытости элитной группы чиновников [14, с. 196].

Проблема закрытости региональных элит стоит давно и достаточно хорошо исследована. Но вопрос в другом, кто будет внедрять новые, более открытые механизмы отбора элит. Конечно, незаинтересованность политических и экономических элит в решении данной проблемы понятна. Ведь в условиях окончательной приватизации политико-административными и экономическими элитами сферы государственного управления главными ценностями властвования становятся стабильность и спокойствие, которые и обеспечивают правящим кругам контроль над перераспределением ресурсов. Поэтому правящий класс тяготеет к рутинным, ненпряженным процедурам усиления своего контроля за перераспределительными механизмами [17, с. 78].

Также интересным аспектом рекрутирования элит является специфика в «русских» и «национальных» регионах. Понятно, что стремительное строительство новой федерации на рубеже 1980–1990 гг. привело к различиям социального состава элит республик и остальных субъектов РФ. Достаточно репрезентативный материал для размышлений дает анализ биографий, личностей, входящих в состав элит.

Формирование политических элит в республиках РФ, как показал Р.Р. Галлямов, своеобразно по своим каналам и методам [6, с. 190–192]:

- в отличие от краев и областей, республики сохранили преемственность кадров номенклатуры;
- в начале 1990-х гг. произошла мощная этнизация элит;
- элиты республик добились повышенного статуса и ресурсов власти в рамках курса «обретения» суверенитета;
- преимущества в назначении имеют выходцы из сельских местностей, что помогает воспроизводить номенклатурные порядки и обеспечивать покорность авторитарному лидеру республики;
- традиционалистская культура элит вследствие их происхождения и карьерного пути проявляется в неприятии реальной оппозиции, в землячестве и корпоративизме; она нацелена на воспроизводство норм прошлого.

Источники внутриэлитных объединений зависят, прежде всего, от преобладающих типов региональной политической культуры. Для республик с преобладанием «титulyных» народов такие источники часто – родство, землячество, общий язык и социально-профессиональное происхождение. Характерно, что республики с преобладанием русских в этноструктуре почти всегда имеют более конкурентные модели набора элит (Карелия, Удмуртия, Марий Эл). Они мало чем отличаются по элитогенезу от областей и краев, где преобладают политикохозяйственные интересы, а не родство в принципах набора «команд». Общим качеством для всех элит следует признать личную преданность лидеру и иерархию полномочий внутри клиентелы.

Во многих республиках России рост полномочий элит усиливался этнизацией их состава в пользу «титulyных» (коренных) народов. По подсчетам М.Х. Фарукшина, в Татарстане 78,1 % республиканской правящей элиты – татары, тогда как во всем населении Республики Башкортостан они составляли 48,3 % (1989 г.) [18, с. 67–79]. Р.Р. Галлямов выявил ту же тенденцию в Башкортостане. В 1992 г. башкиры составляли 51,3 % глав администраций городов и районов Республики Татарстан при удельном весе в составе населения 21,9 % [5, с. 108–115]. Установлена тенденция этнократизма и в СахаЯкутии, республиках Северного Кавказа [10, с. 170–172].

Анализ этноstatusов правящих элит часто затруднен. Например, в Башкортостане сведения об этнической принадлежности элиты республики засекречены, как отмечает Р.Р. Галлямов [6, с. 190]. В 16 республиках Российской Федерации из 21 высшие должностные лица (президенты, главы республик и т.д.) – представители «титულных» этносов, хотя эти народы численно преобладают в 9 республиках. Казанский профессор М.Х. Фарукшин оценивает ситуацию как «сверхпредставительство» нерусских национальностей среди президентов республик [19, с. 208]. В итоге складывается этнократия, которая проявляется во многих регионах (например, в краях Юга России – в воспевании казачьих традиций, повсюду – в преимуществах своих уроженцев). Американский исследователь Т. Ригби полагает: «в настоящее время представляется немислимым, чтобы в более крупных и в культурном отношении сильных из них был неместный президент, и то же самое относится к этническим республикам и регионам Северного Кавказа. Напротив, меньшие по численности, в культурном отношении менее развитые национальности Сибири и российского Дальнего Востока остаются под политическим господством аутсайдеров, в основном русских» [19, с. 207].

А.В. Понеделков и А.М. Старостин исследовали данные о 36 руководителях законодательной и исполнительной власти 13 регионов Южного федерального округа. Отдельно подсчитаны средние показатели по лидерам 8 республик, а также 5 краев и областей (на 2002 г.) [15, с. 108; 10, с. 154, 162–164].

Оказалось что среди президентов и спикеров парламентов 8 республик больше горожан по происхождению, чем среди лидеров 5 областей и краев (соответственно 42,9 и 20,0 % начинали карьеру рабочими, а крестьянами – 9,5 и 26,7 %). В элитах республик гораздо меньше представлены предприниматели по последнему месту работы (13,8 %), тогда как в областях и краях предпринимателей 40 %. Среди лидеров республик более весом слой госслужащих по предшествующему месту работы (72,7 %) в сравнении с 40 % в краях и областях. Элита республик чаще имеет гуманитарное образование и ученые степени, чем элита областей и краев. Велика ее этническая однородность. Коллектив ростовских исследователей под руководством В.Г. Игнатова установил, что в высшем слое элит республик насчитывается менее 10 % русских, притом, что русские в республиках Северного Кавказа составляют около 25 % населения. Относительно соразмерно этническое представительство только на среднем уровне административных элит (руководители отделов, служб, министерств) [15, с. 108; 10, с. 154, 162–164].

В период 1991–2004 гг. в масштабах России возможно применить термин «региональные политические элиты» во множественном числе. В регионах сформировались элиты, своеобразные по ресурсам влияния, институциональному оформлению власти, политическим ориентациям, методам деятельности. В настоящее время наблюдается превращение федеральной элиты в доминирующего актора регионального политического процесса. Дмитрий Медведев продолжил курс своего предшественника Владимира Путина, который в течение 8 лет своего президентского правления проводил преобразования, направленные на восстановление «вертикали власти», которые затронули практически все аспекты региональной политики. Основным содержанием федерального курса стало ограничение самостоятельности администраций субъектов, компенсируемое (в целях «покупки» лояльности губернаторов) «консервативной» кадровой политикой и развитием перспективных экономических проектов («особые» зоны, целевые программы и пр.). Решение нестабильной ситуации на Северном Кавказе было (и остается) одним из приоритетных направлений региональной политики. При изменении состава элит имеет место переход от многостороннего конфликта между ними к консенсусу. Значительно ограничиваются с 1999 г. и политические ресурсы региональных элит. Вместе с тем тенденция консолидации элит носит незавершенный характер.

Значительным нововведением 2000 г. стало создание Госсовета. Этот орган изначально представлял собой возможность для формального привлечения представителей региональных элит к принятию ключевых решений по проблемам общегосу-

дарственного масштаба, что должно было стать «компенсацией» за понижение политического статуса губернаторов.

Выборы Президента РФ 2 марта 2008 г. дали толчок новому этапу во взаимодействии федерального Центра и региональных элит. Основной политической задачей для представителей губернаторского корпуса остается сохранение властных ресурсов в условиях значительной неопределенности того, как будет работать связка «президент – премьер» на федеральном уровне. Курс Центра будет определяться несколькими ключевыми факторами, общей чертой которых (по крайней мере, в ближайшие 1–2 года) станет преобладание по отношению к направлениям региональной политики Владимира Путина. В первую очередь, это касается кадровых вопросов и процесса перераспределения полномочий.

Дмитрий Медведев (как и Владимир Путин на момент вступления в должность президента в 2000 г.) не имеет значительного «резерва», который можно было бы использовать при выборе кандидатур на должности региональных глав. В связи с этим можно прогнозировать, что кадровую политику Центра на первом этапе президентства Дмитрия Медведева будет определять стремление к поддержанию стабильности. Достаточных оснований для того, чтобы говорить о «черных списках» губернаторов-отставников, на данном этапе нет. Возможны процедурные изменения: право предлагать президенту кандидатуру для наделения полномочиями главы региона и его клиентелы может сохранить за собой Владимир Путин (в должности премьер-министра). Вполне вероятно, что экс-президент будет стремиться сохранить контроль над принятием кадровых решений.

Библиографический список

1. *Афанасьев, М. Н.* Клиентелизм и российская государственность / М. Н. Афанасьев. – М., 1997. – 301 с.
2. *Ашин, Г. К.* Дилеммы элиты: истинные и мнимые проблемы / Г. К. Ашин // *Власть*. – 1999. – № 12. – С. 63–69.
3. *Ашин, А. Г.* Манифест элитологии / А. Г. Ашин, П. Л. Карабушенко // *Элитологические исследования*. – 2000. – № 1–2. – С. 4–10.
4. *Бадковский, Д.* Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия / Д. Бадковский, А. Шутов // *Кентавр*. – 1996. – № 6. – С. 3–23.
5. *Галлямов, Р. Р.* Политические элиты российских республик: особенности трансформации в переходный период / Р. Р. Галлямов // *Полис*. – 1998. – № 2. – С. 108–115.
6. *Галлямов, Р. Р.* Правящая политическая элита Башкортостана: динамика рекрутации в позднесоветский и постсоветский период (1986–1999 гг.) / Р. Р. Галлямов // *Элитизм в России* / под общ. ред. В. П. Мохова. – Пермь, 2002. – С. 183–198.
7. *Гаман-Голутвина, О. В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции / О. В. Гаман-Голутвина. – М. : Интеллект, 1998. – 448 с.
8. *Гаман-Голутвина, О. В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции / О. В. Гаман-Голутвина // *Полис*. – 2004. – № 2. – С. 6–19.
9. *Дай, Т. Р.* Демократия для элиты: Введение в американскую политику / Т. Р. Дай, Л. Х. Зиглер. – М. : Юридическая литература. – 1984. – 320 с.
10. *Игнатов, В. Г.* Взаимодействие элит в социально-политическом процессе современной России / В. Г. Игнатов, И. Ф. Денисенко, С. А. Кислицын, З. Д. Михайлова, А. В. Понеделков, А. М. Старостин, В. В. Черноус. – Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2001. – 352 с.
11. *Ледяев, В. Г.* Социология власти: концептуальные проблемы / В. Г. Ледяев // *Власть и элиты в современной России* : сборник научных статей // под ред. А. В. Дуки. – СПб. – 2003. – С. 6–20.
12. *Медушевский, А. Н.* Формирование правящего класса / А. Н. Медушевский // *Социологический журнал*. – 1995. – № 4. – С. 36–49.
13. *Миллс, Р.* Властвующая элита / Р. Миллс. – М. : Изд-во иностранной литературы. – 1959. – 543 с.

14. **Понеделков, А. В.** Политико-административные элиты России в середине 90-х гг. XX в. и 10 лет спустя (теоретический и прикладной аспекты анализа) / А. В. Понеделков ; Северо-Кавказская академия гос. службы. – Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2005. – 384 с
15. **Понеделков А. В.** Российские элиты на рубеже XX–XXI веков: особенности генезиса, взаимодействий и позиционирования во власти // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред. В. Г. Игнатов, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Понеделков, А. М. Старостин. – Ростов н/Д : Изд-во СКВГС. – 2004. – 513с.
16. **Тарусина, И.** Элитисты и плюралисты в современной политической теории / И. Тарусина // Полис. – 1997. – № 4. – С. 148–153.
17. **Усманов Р. Х.** Региональный партогенез в политическом процессе современной России (ЮФО в 1990-е годы) : монография. – М. : Прометей : МПГУ, 2002. – 302 с.
18. **Фарукишин, М. Х.** Политическая элиты в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации / М. Х. Фарукишин // Полис. – 1994. – № 6. – С. 67–79.
19. **Фарукишин, М. Х.** Региональные политические элиты: смена ролей // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред. В. Г. Игнатов, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Понеделков, А. М. Старостин. – Ростов н/Д : Изд-во СКВГС, 2004. – 513 с.